

A woman in a blue dress stands on a balcony, looking out at a snowy night scene. The balcony railing is covered in snow. In the background, there are snow-covered trees and a small town with lit-up houses and a church spire. The sky is dark blue with many stars. To the left, a large window reflects the scene, showing a family (a man, a woman, and a child) looking out at a sunset or sunrise over a body of water.

ТАМ, ГДЕ ТЫ...

БОЛКОНСКАЯ

Болконская Болконская

Там, где ты

<https://litres.ru/74546773>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я всегда знала: мне не нужны люди. Тишина, чай с бергамотом, огонь в камине – этого достаточно. А потом появился он. И всё стало иначе. Дом, тепло, дочь. Жизнь, которой у меня никогда не было.

Но рай оказался хрупким. Я теряю дни. Людей. Себя. И чтобы спастись, мне придётся вспомнить то, что я так старательно забывала.

Это моя история. Я расскажу её до конца.

Болконская

Там, где ты

Глава 1

Я возвращалась домой поздно вечером. Думала только об одном: упасть на свою огромную кровать и забыться сном. Подгоняемая этими мыслями, завела мотор, прогрела машину и медленно выехала с парковки. Быстрее бы в свой уютный дом. В тепло. Посидеть с чашкой любимого чая с бергамотом у открытого камина и наконец забыть суету последних часов...

Глава 1

Не могу сказать, что не люблю людей, но находиться несколько часов подряд в обществе очень болтливых заказчиков достаточно сложно. Кожей ощущаю, как они обволакивают меня голосами, историями, проблемами. И как из меня невидимой струйкой вытекает энергия: сначала тяжелеет голова, потом притупляется внимание, а в груди разрастается глухая, звенящая пустота. Наступает эмоциональное истощение. И когда всё вокруг начинает раздражать – слишком громкая кассирша в магазине, чужой смех в очереди, даже собственное дыхание кажется лишним, – мне нужна тишина. Полное одиночество. Комната, где не надо улыбаться, где можно просто сидеть, не думая о том, как выглядишь со стороны.

Именно поэтому я выбрала профессию, где контакт с людьми сведён к минимуму. Да – я интроверт. Да – многие меня совершенно не понимают. И да – мне абсолютно всё равно, что они думают. Пусть думают. Ведь мне с ними не по пути. А вот со всеми остальными рада познакомиться: Анна Викторовна, независимый оценщик, к вашим услугам.

Сегодняшний заказ не должен был отличаться от остальных. Но оказался тем редким случаем, когда обе стороны спора явились на встречу: супруги делили "Тойоту". Он утверждал, что у машины "убитый" двигатель, она – что со-

стояние идеальное. Я сделала замеры компрессии, сфотографировала сколы на бампере, мысленно прикинув, сколько времени займёт оформление отчёта. Уж очень хотелось домой. В любой момент готова была быстренько свернуться и уехать. Однако этой парочке нужна была не правда, им нужен был арбитр. Бывшие супруги ругались, ковыряли старые раны и долго поливали друг друга грязью, выдавая всё больше интересных фактов о совместной жизни. Стараясь не вникать в конфликт, изучала заметки в планшете. Только остаться в стороне всё равно не получилось.

– Представляете, Анна Викторовна, он постоянно мне изменял! – женщина ткнула в бывшего супруга пальцем. Кончик её носа покраснел от холода, а в глазах блестели не столько слёзы, сколько злость, многолетняя, настоявшаяся, с которой она не знала, что делать. – И теперь не хочет отдавать машину. Жлоб!

– Дура ты, Машка. Жил-то я с тобой и уходить от тебя не собирался. И чего тебе не хватало? Возил в отпуск, техникой вся квартира уставлена, любые побрякушки покупал...

– Да закройся уже, – Маша опустилась на скамейку около подъезда, медленно и тяжело, будто груз, который она несла все эти годы, наконец-то придавил её к земле. – Ты хоть раз спросил, чего Я хочу? Интересовался, чем я живу или что меня беспокоит?

– Что тебя могло беспокоить? Ты же ни в чём не нуждалась! – он даже растерялся, услышав её вопрос, искренне,

по-мужски не понимая, что можно ещё хотеть.

– О том и говорю, – она покачала головой. Было заметно, как дрожит её подбородок, как она сдерживается, стиснув зубы, не плачет, чтобы не показать ему этой последней слабости. – Обслуживала, молчала, и слушала твоё враньё изо дня в день. А когда я в тебе нуждалась, ты просто уходил в закат.

– Маша... – снова начал мужчина.

– Я сказала – закройся! Знаешь, Жора, хорошо, что за пять лет мы с тобой детей не родили, – она вздохнула и поднялась, поправила воротник пальто, и я увидела, насколько она устала. Не просто от этого разговора – от всей жизни с ним. – Подавись ты этой машиной! Я просто хотела тебя позлить.

– Значит, я могу быть свободна? – мой голос прозвучал резче, чем планировала: в горле пересохло от холода, а силы держать профессиональное спокойствие заканчивались – второй час на морозе давал о себе знать. Пальцы ног давно онемели, тёплые перчатки совершенно не справлялись со своей задачей, а всё тело сотрясала мелкая дрожь, которую скрыть уже не получалось.

– Я оплачу вызов, – произнёс Георгий, не отрывая взгляда от бывшей супруги. В его голосе тоже была усталость. Было очевидно, что они оба несчастны, только по-разному. – Простите, что потревожили.

Не медля ни секунды, юркнула в свою машину. Пока за-

водила мотор, руки тряслись не столько от холода, сколько от ощущения чужой боли, которая липла ко мне, как снег, тающий на коже. Включила печку на полную мощность, прикрыла глаза и позволила себе просто выдохнуть. Салон постепенно прогревался, но дрожь не проходила – и я ненавидела такие моменты. Не за усталость, не за мороз, а за то, как чужая жизнь проходила сквозь меня, оставляя глухую тянущую пустоту.

Чёрт бы побрал эти пробки. Выехать из города в час-пик – тот ещё квест. А выехать из города накануне длинных выходных, значит добровольно подписаться на долгое созерцание красных фонарей впереди идущего автомобиля, успеть перезнакомиться со всеми соседями по потоку и окончательно убедиться, что время – понятие относительное.

Единственным плюсом в данной ситуации был город, празднично украшенный ещё с начала декабря. Он светился, переливался, брызгал яркими красками в глаза, сглаживая ожидание на каждом светофоре. До Нового года осталось каких-то десять дней...

Согревшись, включила музыку. Тихо, едва слышно, чтобы фоном заглушать гул машин, но не мешать собственным мыслям. Снежинки падали на лобовое стекло, таяли, превращаясь в мелкие капли. Но я не обращала на них внимания, лишь рассеянно скользила взглядом по фарам встречающих машин.

Выехав из мегаполиса, поняла, что городская пробка была только началом трудного пути. За городом началась совсем другая зима – без фонарей, тёмная и глухая. В отличие от столичных дорог, трассу дорожники посыпать ещё не успели. Под колёсами была не просто грязь со снегом – ледяная корка, гладкая и скользкая. Машина вздрагивала всякий раз, стоило чуть сильнее нажать на педаль. Было ощущение, будто еду по замёрзшей реке. Вокруг белое безмолвие, только свет фар вырывает из темноты редкие стволы деревьев. И давно ни одного встречного автомобиля.

Дальше стало хуже: метель усиливалась, с каждой минутой всё больше усложняя передвижение. Снег стал крупнее и валил сплошной стеной. Видимость ухудшалась, а с ней и моё настроение. Тревога, тонкая, как лезвие, скребла где-то под рёбрами, отчего я сжала руль крепче, впиваясь пальцами в холодную кожу.

Я буквально прокрадывалась сквозь снежный тоннель, внимательно приглядываясь, чтобы не пропустить свой поворот. Тридцать километров, на которые обычно уходило двадцать пять минут, растянулись на целую вечность. Вглядывалась в белую мглу, пока наконец не увидела очертания знака деревеньки. Чуть не заплакала. Почти дома... Теперь оставалось аккуратно свернуть на этот самый поворот.

Я уже отметила в темноте знакомый силуэт старой остановки, обгоревшей, чёрной, стоящей словно часовой на въезде, как вдруг моя машина подскочила от резкого уда-

ра. Сначала ничего не поняла, только звук – глухой и тяжёлый, как удар кувалды по металлу. Меня тряхнуло так сильно, что, несмотря на ремень безопасности, ударилась лбом о руль. Некстати сработала профессиональная привычка: мысленно зафиксировала точку входа – капот, левая сторона. В следующее мгновение машина крутанулась на месте, и я с ужасом увидела, как свет фар выхватил из темноты стремительно приближающийся ко мне ствол дерева и замершие, словно в стоп-кадре, снежинки. А после автомобиль перевернуло несколько раз. Мир разлетелся на миллиарды осколков. Вспышки, тени, звон битого стекла, хруст металла, сминающегося как бумага. А потом всё это исчезло – остался только страх. Чистый, животный. Он парализовал тело, заставив забыть о дыхании.

В лицо остервенело ударила подушка безопасности. Резкий запах пороха, хлопок, и мгновенная, ослепляющая боль, прошившая челюсть, шею и грудь. Я оказалась зажата между креслом и рулём. Попыталась сдвинуться, но каждая клетка тела взбунтовалась – огненная волна прокатилась от затылка до поясицы, и я замерла, боясь даже дышать.

Чувствовала, как по ногам поползло что-то горячее. Кровь! Тёплая, липкая, она растекалась по ткани джинсов, и это осознание ударило в голову с новой силой. Я теряю кровь. Это серьёзно. Это совсем не как в кино.

Хотелось кричать. Позвать на помощь. Но был ли в этом смысл? Снаружи выла метель. Ветер врвался в разбитое ок-

но, задувая снег, который ложился на приборную панель белым саваном. Машина превращалась в ледяной склеп. Рассмотреть что-либо возможности не было... Здесь меня не найдут. Я умру? Конечно, умру. Эта мысль пришла не как страх, а как констатация – холодная и ясная, под стать этой ночи.

Попробовала пошевелить правой рукой. Она двигалась. Медленно, преодолевая боль, дотянулась до панели и взяла телефон. Корпус был холодным, и пальцы, дрожащие и скользкие от крови, не слушались. Я ткнула в экран – он не отозвался. Ещё раз. Ничего. Кровь на стекле смазывала изображение, и я не могла попасть по нужной иконке. С третьей попытки экран вспыхнул. Я прижала телефон к уху.

– Скорая помощь. Что у вас случилось? – голос в трубке звучал отстранённо, словно из другого мира, но я вцепилась в него, как в единственный якорь.

– Я попала в аварию, – прошептала я. – Не могу двигаться. Сильно болит голова. И грудь. Когда пытаюсь вздохнуть, внутри что-то острое, как нож.

– Где вы находитесь? – в тоне диспетчера теперь появилась настойчивость, деловая, профессиональная.

– Я... я на трассе... метрах в двухстах от обгоревшей остановки. Я её проехала... сразу за поворотом в деревню, – мой голос срывался. Холод уже пробрался под куртку, губы не слушались, язык казался ватным.

– Вы сильно ранены?

– Не знаю... Да... Видимо, да... Я обездвижена. Ничего не чувствую ниже поясницы, – это осознание оказалось хуже самой боли. Я вообще не чувствовала ног, будто они исчезли, растворились в темноте. – А ещё очень сильно болит голова... Мне хочется спать...

– Не отключайтесь! Помощь в пути, – голос девушки-диспетчера был уверенным, почти спокойным, и я держалась за эту уверенность. – Как вас зовут?

– Анна.

– Анна, я с вами. Говорите со мной.

– Я вижу свет.

– Наверное, кто-то заметил вашу машину. К вам идут? Кого-нибудь видите?

– Не знаю... Вижу тусклое пятно. Нет... Это луч. Он словно дымится, – я щурилась от света, но не могла понять, что это такое. Сознание путалось. Хотелось закрыть глаза. Тьма всё больше притягивала, сулила покой, обещала убрать разрывающую боль.

– Анна, вы здесь? – тревожные, но требовательные нотки снова зазвенели у самого уха.

– Здесь. Я... Простите, – луч ослеплял. Я зажмурилась.

Телефон выскользнул из руки. Почему-то захотелось сказать этому лучу, что я готова. Я не против... Правда, не против... И мне не страшно. Наоборот, я чувствовала облегчение. Перестать бороться, перестать держаться, отпустить. Но ничего сказать так и не успела. Глаза закрывались. Очень хо-

телось спать.

– Жива! Сюда! – крикнул голос, мужской, хриплый, прорвавшийся сквозь шум ветра, и свет дёрнулся, как фонарик в чужой руке. Заметался, приближаясь, выхватывая из мглы осколки стекла и моё бледное лицо в зеркале заднего вида.